

ЗАМѢТКИ.

УДОБНОЕ И ПРЕКРАСНОЕ.

Кому нуженъ бѣлый декабрѣскій денѣ, летающія галки, золотая главка церкви за голыми деревьями, широкія, спокойныя улицы, вкусный воздухъ зимы?

Наши дѣла и события нашей жизни не измѣнились бы, если-бы этого не было. Всѣмъ, кто любитъ странствія, блужданія по незнакомымъ мѣстамъ, кто любитъ море, звѣзды, вѣтры, снѣга—всѣмъ имъ говорятъ люди дѣла: «Этото приходитъ—надо работать».

Положительный человѣкъ правъ. Онъ сидитъ въ банкѣ, конторѣ, въ судѣ, парламентѣ, въ думѣ, и онъ не знаетъ безцѣльныхъ дѣйствій, безцѣльныхъ мыслей и чувствъ, безцѣльной и милой природы. Все, что онъ дѣлаетъ,—разумно, и направлено къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Онъ работаетъ—некогда ему допускатъ безцѣльное. Окруженье онъ себѣ подобными, устроителями и хозяевами жизни, которые тоже трудятся, въ своеемъ дѣлѣ творятъ, торопятся, и торопятъ: если не быть быстрымъ, обгонять. Имъ на смѣну подрастаютъ полпы новыхъ людей—молодежь—и всѣмъ нужно дѣло, нужно увеличивать удобное, чтобы оно расло, одѣвая собою все. Имъ тоже должно стать некогда. Пустѣ уходить голубое небо прекраснаго.

Ростъ удобного и его господство видимъ мы постоянно. Принято называть его нашествиемъ американской культуры. Быть можетъ, вѣрнѣе опредѣлить: нѣмецко-американской.* Гений этой малой культуры есть правильный, разумный, чистоплотный, экономический и бездарный распорядокъ жизни. Живя, человѣкъ долженъ чувствовать себя какъ въ первоклассномъ отелѣ: все предусмотрѣно, все къ его услугамъ и нечего беспокоиться. Чувства благовоспитанные и культурные. Въ мѣру человѣкъ добръ, въ мѣру честенъ. Страдать, мучиться за грѣхи ему не полагается, ибо нѣть грѣховъ, да и страданіе вещь неудобная: мѣшаетъ работать. Что же касается трагедіи, то это вздоръ: ее выдумали неврастеники, отъ нечего дѣлать.

И скромный завоеватель идетъ среди насъ. По русской землѣ онъ шествуетъ не такъ еще твердо,—руssкіе некультурны, это «раса», которая должна быть преобразована симпатичнымъ культуртрегеромъ. Онъ понимаетъ, что всего сразу не добешься, но онъ терпѣливъ и невзыскателенъ. Къ тому же, онъ дѣйствуетъ во имя своего бога: удобства. Онъ не будетъ унывать, у него идеалъ!

Достоевскій видѣлъ и понималъ его. Всей страстью великой души онъ его ненавидѣлъ, и былъ склоненъ считать силой дьяволской. Культуртрегеръ тоже не одобрилъ Достоевскаго, устами Цаделей, Брандесовъ, малый человѣкъ сказалъ: «начиная съ «Преступленія и Наказанія» талантъ Достоевскаго падаетъ. «Идиотъ» очень слабъ, а «Братья Карамазовы» такая длинная и скучная исторія, что ее не могутъ прочесть и русскіе».

Со временемъ Достоевскаго малый человѣкъ сдѣлалъ огромныя завоеванія. Онъ обнялъ

* Я отличаю большую германскую культуру отъ молодой нѣмецкой.

всю жизнь. Онъ неупомимо нивелируетъ, приспособляетъ человѣческія души къ обиходному образцу, изготавляетъ духовную пищу, направляетъ, скромно повелѣваетъ. И по-прежнему, если не больше, ненавистны ему тѣ, кто ему мѣшаютъ.

Кое-кому, однако, и онъ мѣшаютъ. Какъ бываетъ всегда, накопленію силъ на одномъ полюсѣ соотвѣтствуетъ ихъ концентрація на другомъ. Тѣ, кто любитъ прекрасное—безцѣльное и великое настоящее,—тѣ въ современной жизни, чувствуютъ себя одиноче, отрѣзанный отъ океана торжествующихъ, но тѣснѣе связанными другъ съ другомъ. Есть они, конечно, во всѣхъ странахъ. Былое русской страны накладываетъ на тѣхъ, кто живетъ въ Россіи, особья, русскія бремена.

Каковы бы ни были ихъ силы, они должны помнить, что они дѣти народа, давшаго въ своей религіи, искусствѣ, поэзіи и философіи образцы высочайшихъ душевныхъ проявленій. Надвигающемуся врагу русской человѣкѣ долженъ противостоять родныя святыни. Осѣнній ими, глядя въ страну великаго, онъ можетъ идти спокойнымъ, пустѣ и одинокимъ, путемъ. Навѣрно, широкой жизни онъ будетъ малопонятенъ; но, сознавая, что путь его испинній, пустѣ онъ не подается. Если же въ глазахъ мѣра будетъ сочтенъ за безумца, то не считаетъ ли онъ уже этотъ міръ безумствующимъ?

Бор. Зайцевъ.

НЕБЕЗКОРЫСТИЕ.

Искусство обращается къ созерцательнымъ моментамъ души. Оно не предрекаетъ пассивности, но всякое дѣйствіе, вызванное искусствомъ, непремѣнно отдано отъ вызвавшаго его явленія моментомъ созерцанія. Внѣ этого момента искусство не можетъ быть понято. Неспособность къ созерцанію и непониманіе искусства—въ сущности одно и то же.

Эти аксиомы индивидуального художественного опыта небезполезно вспомнить по поводу явлений общественныхъ. Для современной русской художественной культуры чрезвычайно важенъ вопросъ: какъ отнесется общество къ новымъ открытиямъ въ области древне-русской живописи? Разумѣется, мы все желаемъ, чтобы это искусство было должно быть образомъ оцѣнено. Но для этого необходимо прежде всего, чтобы оно было понято. Оно можетъ быть понято, какъ и всякое другое искусство, лишь въ атмосфѣрѣ созерцательности, лишь при условіи полного *безкорыстія*. На нѣсколькихъ конкретныхъ примѣрахъ мы постараемся указать опасность художественного небезкорыстія.

Пониманіе художественного произведенія обусловлено безкорыстіемъ приближеніемъ къ нему, способностью вникнуть въ него такъ безцѣльно, какъ того требуетъ священная безцѣльность, лежащая въ основѣ всякаго истиннаго искусства. Съ этой точки зреянія намъ кажется явно небезкорыстіемъ въ настоящую минуту всякой подходъ къ древней русской иконописи, заключающей требование, чтобы эта иконопись открыла пути современного искусства. Такой подходъ вызывается желаніемъ, какъ можно скорѣе извлечь изъ прошлаго какой-то урокъ для настоящаго. Но прошлое открывается только тому, кто подходитъ къ нему безъ всякаго напередъ заданного намѣренія. Взгляды небезкорыстные склоняются лишь по его поверхности и не проникнутъ въ его глубину.

Нуженъ очень большой періодъ времени, нужны усилия многихъ талантливыхъ изслѣдователей, нужна долгая тѣсная жизнь съ древнимъ искусствомъ, вновь возвращеннымъ націи, чтобы это искусство повлияло на творческую способность націи,—пересоздало ея психологію и, можетъ быть, даже направило ея искусство по какому то иному пути.